

Добрый мастер с Арбата

К 80-летию со дня рождения
народного артиста СССР
Николая Плотникова.

Он был не единственным, кто, постраниствовав по различным труппам, немало сделав в кино, окончательно нашел и себя, и свой театр в старом здании на Арбате. В 1938 году к вахтанговцам пришел актер, без которого уже трудно себе представить не только театр имени Вахтангова, но и театр вообще.

Он признанный мастер перевоплощения. За последние два десятилетия он играл на вахтанговской сцене Полония в «Гамлете»; и «батью» — старого рабочего Сердюка в «Иркутской истории»; растленного человека, лжеученого Грацианского в «Русском лесу»; старого академика, воплощенную совесть науки в «Коронации»; купца-иезуита Маякина в «Фоме Гордееве»; мудрствующего ретрограда, отставного генерала Крутицкого; пушкинского Лепорелло; римского императора Домициана — сентиментального демагога с крутым нравом, умеющего ловко использовать слабости людей.

Битва старого с новым — центральная тема творчества Плотникова. Вспомните старичка с пушистыми бакенбардами, улыбчивого и хитроватого Крутицкого из «На всякого мудреца довольно простоты». ...Когда Глумов, нещадно подхалимничая, пытается пролезть в душу «нужному» генералу, про себя немало потешаясь над старикинской «простотой», — глумится над Глумовым Крутицкий.

Если будет возможность, обязательно посмотрите, как играет Плотников эпизод из этого спектакля в своих концертах. Выходит на сцену актер в современном костюме — строгий человек с большими, темными, живыми глазами. Сразу располагает к себе аудиторию, открыто беседует с ней. Сам объясняет: сейчас сыграем то-то и то-то. Поворачивается на миг спиной к публике, не очень-то скрываясь, надевает очки, вновь оборачивается — и публика ахает: перед ней другой человек.

Андрей Находка, «батья» Сердюк, герой «Коронации» — на сцене, Синцов и Ниточкин — в кино — важнейшие этапы размышлений актера о новом типе личности. И в самом центре этих размышлений — образ Ленина. Дважды создавал его Плотников на вахтанговской сцене — в 1954 году, когда был возобновлен в театре «Человек с ружьем» Н. Погодина, и в 1960-м в «Большом Кирилле» И. Сельвинского.

Есть своя логика в том, что образ Ленина — вершина сценической биографии Щукина — «вернулся» к Плотникову в этой пьесе, на этой сцене полтора десятилетия спустя после смерти одного из корифеев вахтанговского театра. Тут сама ситуация оберегает от ложнопатетических схем: «передача эстафеты», «обретение наследия» и т. д. и т. п. Просто логика искусства. Просто когда-то на съемочной площадке встретились два мастера. Щукин пригласил Плотникова на вахтанговскую сцену. Мастер помог другому мастеру найти вернейшую точку приложения сил.

И Плотников сегодня — один из старейшин вахтанговской сцены — стал символом всего, что есть на этой сцене живого, ищущего, беспокойного. Старый мастер учит новые поколения мыслить соразмерно времени — времени революционного обновления мира. И сам, от спектакля к спектаклю, от репетиции к репетиции, обретает в общении с новыми поколениями товарищей по сцене то чувство современности, которое делает искусство Николая Сергеевича Плотникова соразмерным времени.

Он — художник. Он — коммунист. И творчество для него — в деятельном познании мира, в постижении и активном утверждении идеала.

Василий КИСУНЬКО.